

УДК 94

Этнотерриториальная и образовательная политика в конструировании советской идентичности на Северном Кавказе

Аккиева Светлана Исмаиловна

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник сектора этнологии,
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований,
360051, Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика,
Нальчик, ул. Пушкина, 18;
e-mail: kbigi@mail.ru

Сампиев Исрапил Магомедович

Доктор политических наук, профессор,
директор Научно-исследовательского института социальных исследований
при Ингушском государственном университете,
386132, Российская Федерация, Республика Ингушетия,
Назрань, м/о Гамурзиево, ул. Магистральная, 39;
e-mail: ing_gu@mail.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка показать отношение советской власти к решению национального вопроса на Северном Кавказе и формирования общегражданской идентичности. Декларируя равноправие народов и право наций на самоопределение, большевики на деле развили законодательную основу для создания государственности в форме этнотерриториальных образований: союзной республики, автономной области и национального округа. На решение национального вопроса была направлена также политика в сфере образования, учитывающая и интересы национальных меньшинств. Кроме того, в статье анализируется образовательная политика на Северном Кавказе, которая в достаточно короткий период времени способствовала укреплению позиций светского советского образования в данном регионе России и вытеснению религиозного образования из его социокультурного пространства. Отмечается, что этнотерриториальная и образовательная политика была направлена на формирование советской идентичности, что имело положительные последствия.

Для цитирования в научных исследованиях

Аккиева С.И., Сампиев И.М. Этнотерриториальная и образовательная политика в конструировании советской идентичности на Северном Кавказе // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 1-2. С. 9-26.

Ключевые слова

Национальный вопрос, национальная политика, государственность, право наций на самоопределение, образовательная политика, письменность, светское образование, советская идентичность.

Введение

После Октябрьской революции советская власть продекларировала в качестве одного из важнейших принципов национальной политики достижение равноправия всех народов России. Равноправие народов является необходимым условием формирования межнационального мира и сотрудничества в многонациональном государстве [Сампиев, 2009, 176, 178], что хорошо понимал В.И. Ленин. Для его реализации необходимо было не только устранить дискриминацию по национальным, религиозным, культурным, языковым признакам, но и предоставить национальным меньшинствам ряд прав: на автономию, на представительство в органах власти и др.

В ходе Гражданской войны противостоящие друг другу силы на практике проверяли различные варианты социального и государственного обустройства страны. И преимущество в этой войне получали именно большевики, которые учитывали два важнейших для России вопроса – аграрный и национальный. Неслучайно одним из первых правовых актов советской власти стала «Декларация прав народов России» (2 ноября 1917 г.), в которой было закреплено право наций (народов) на самоопределение.

О праве наций на самоопределение впервые заявили австро-венгерские социалисты в конце XIX в., которые видели данное право в создании национально-культурной автономии¹. Это вызвало критику российских большевиков во главе с В.И. Лениным². В Российской империи, как и в Австро-Венгрии, проживало много народов, и решение национального вопроса для большевиков было принципиально важным. Российские большевики выступили против основной идеи австро-венгерских социал-демократов с классовых позиций. Главное возражение заключалось в том, что призывы к созданию национально-культурных автономий ослабляют единство и силу рабочего класса. Вместо этого они предлагали другой

1 См.: Шпрингер Р. Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии). СПб., 1909; Бауер О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.

2 См.: Семенов Ю. Из истории теоретической разработки В.И. Лениным национального вопроса. URL: http://scepsis.net/library/id_2670.html; см. также: Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. Т. 22. С. 229, 230; т. 23. С. 59, 149, 150, 208-211, 317, 375, 376, 444-448; т. 24. С. 57-59, 82, 113-150 и др.; Сталин И.В. Соч. Т. 2. М., 1949. С. 290-367.

путь – создание в многонациональных государствах территориальной автономии в виде областных территориальных союзов трудящихся, которым должна принадлежать на местах государственная власть в общей системе диктатуры пролетариата.

Право на самоопределение было закреплено в Декрете о мире 1917 г. (26 октября): «Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилем, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию – все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, – не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилем» [Декрет..., 1957, 14-15]. И практически было использовано при признании независимости Украины, Белоруссии, Закавказья, Бухарской и Хорезмской народных советских республик [Хабриева, 2010, 37]. Правда, и «вхождение» силами 11 армии независимых республик Азербайджана, Грузии и Армении в состав СССР также было обосновано правом на самоопределение [там же]. Кстати, это право было использовано и при признании независимости Финляндии.

Таким образом советская власть нашла принцип решения национального вопроса. В рамках единого социалистического государства народы России получили право на создание государственности в форме национального округа, автономной области, автономной и союзной республик. Был найден и принцип создания форм государственности, зависевший от двух критериев: принципа территориальной целостности проживания этноса и его численности. Большевики при планировании и организации территориально-административного устройства страны и создании национальных районов, автономных округов, автономных и союзных республик исходили из признания за доминирующими группами этнических территорий. И эта территориализация этничности могла осуществиться лишь на основе этнизации индивидуальной идентичности населения страны. Такая этнизация и индоктринация населения, в свою очередь, исходила из существующих реалий, но зачастую переформатировала ее, опираясь на особые технологии, процедуры и институты [Соколовский, www].

Национальная политика советского государства и территориально-административные преобразования на Северном Кавказе

Северный Кавказ – регион, где национальные и земельные (территориальные) отношения были тесно переплетены. Здесь проживало много народов, их численность также была различна. Попытку разрешения сложных земельных и национальных вопросов на Северном Кавказе большевики предприняли сразу после Гражданской войны. В 1920 г. на съезде народов Дагестана и Терека были провозглашены две автономные национальные республики – Дагестан и Горская республика, которые учреждались как полиэтничные и

имели административное деление на округа по этническому признаку населения. Инициатива создания указанных автономий исходила из центра (от ЦК РКП(б) и Кавбюро), а не от местных руководителей. Дагестанская Республика состояла из 14 округов (Аварского, Андийского, Ачикулакского, Гунибского, Даргинского, Дербентского, Казикумухского, Буйнакского, Кайтаго-Табасаранского, Кизлярского, Кюринского, Махачкалинского, Самурского и Хасавюртовского), организованных по этническому принципу (по компактному территориальному расселению этнических групп в Дагестане). Окружной (этнический) принцип формирования Дагестанской АО (а затем республики) проводился в условиях, когда национальные идентичности были неустойчивыми (к аварцам или даргинцам приписывали андийцев, бежтинцев и т. д.). Этот же принцип сохранялся в Дагестане и в последующие годы и был обусловлен тем, что крупный этнос (доминирующий) имел и больший доступ к власти.

20 января 1921 г. был подписан Декрет ВЦИК о создании ГАССР в составе 6 национальных округов: Кабардинского, Карачаевского, Балкарского, Осетинского, Чеченского и Ингушского. Столицей Горской Автономной Советской Социалистической Республики стал г. Владикавказ. Высшими государственными органами автономии являлись съезд Советов, ЦИК, Совнарком и народные Комиссариаты [Улигов, 1979, 286-287].

Исследователи высоко оценивают факт создания Горской республики и близки в оценке причин ее образования: «Горская республика обеспечила дальнейшее развитие народов», в отличие от образовавшихся позднее автономных областей «Горская республика была более высокой политической формой автономии» [Ансоков, 1974, 78-79], была «удачным, хотя и временным путем концентрации усилий ранее разрозненных народов Северного Кавказа в единое многонациональное государственное образование» [Бугай, Мекулов, 1994, 94]. По мнению А.Х. Даудова, образование Горской республики было велением времени и явилось составной частью общероссийских тенденций, когда вопрос о национально-государственном устройстве малых народов приобрел особую остроту по мере освобождения и перехода к советскому строительству: «Для решения задач социалистического строительства, вставших перед горскими народами с победой советской власти, необходимо было тесное сотрудничество этих народов, объединение их экономического потенциала и культурных сил. Ни один из горских народов в отдельности не был в состоянии своими силами решить задачи ликвидации экономической и культурной отсталости, искоренения всех контрреволюционных элементов и банд, строительства социалистического общества» [Даудов, 1997, 27]. Исследователи признают важность и значимость образования Горской АССР, но расходятся в причинах ее распада (в отличие от Горской АССР Дагестанская Республика оказалась более жизнеспособным продуктом). По мнению Н.Ф. Бугая, Сталин был негативно настроен к Горской республике: «Очевидно, что позиция Сталина по отношению к Горской республике в данном случае сыграла заметно отрицательную роль и не была направлена на ее укрепление. Она оказалась в основе сразу же начавшихся бурных процессов по «развалу» Горской республики, хотя партийные и советские работники,

занятые в республике, прикладывали немало усилий к консолидации народов именно вокруг Горской республики» [Бугай, 1995, 67].

Причины распада Горской АССР А.Х. Даудов связывает с задачами социалистического преобразования в регионе. Образование Северо-Кавказского края, которое завершило курс на создание единого административного региона, делало ненужным существование и сохранение Горской АССР [Даудов, 1997, 206-207]. В исследованиях последнего времени одной из основных причин распада ГАССР исследователи называют территориальные взаимоотношения и земельный вопрос [Боров, Думанов, Кажаров, 1999; Кажаров, 2001; Цуциев, 2007]. Наиболее точно причины распада Горской АССР назвал А. Цуциев: «Тот же самый подход, определивший появление в 1921 г. Горской АССР как формы национального самоопределения горцев, становится идеологическим основанием демонтажа республики. Кабардинская партийная элита во главе с Калмыковым, подталкиваемая угрозой перераспределения земель в пользу соседних округов, стремится выйти на более высокую и обособленную траекторию самоопределения, уже собственно кабардинского. Получив влиятельную поддержку в Москве, округ выходит из Горской АССР – со статусом Кабардинской автономной области (АО). Политическая идеология использована здесь как инструмент защиты экономических интересов национальной группы: хотя и не в полной мере, но упреждается осуществление соперничающих идеологием (предполагающих уравнильное распределение земли). Выход Кабарды влечет за собой постепенную дезинтеграцию Горской АССР. В 1922 г. от нее отходят последовательно Карачаевский, Балкарский, Чеченский округа и Грозный. Наконец, 7 июля 1924 г. республика упраздняется с разделением на Северо-Осетинскую АО, Ингушскую АО, Сунженский округ и Владикавказ [Цуциев, 2007].

Дезинтеграция Горской АССР и образование новых автономий – процесс сложный, долгий и неоднозначный из-за того, что власти Горской республики желали ее сохранить, а элита округов хотела выйти и создать свои автономии. В ходе демонтажа Горской АССР были образованы не шесть автономий (учитывая, что было 6 округов), а в конечном итоге четыре: Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская, Карачаево-Черкесская и Северо-Осетинская.

Опыт объединения в одну автономию у Советов уже был. Еще в 1918 г. Комиссариат по делам национальностей пытался провозгласить Татаро-Башкирскую Республику, в которую должны были войти башкиры и татары (следует отметить, что в 1918 г. в Казани было провозглашено автономное и потенциально антибольшевистское Итиль-Уральское (т. е. Волго-Уральское) государство. Большевистский проект по провозглашению Татаро-Башкирской Республики быстро был свернут, и в 1919 г. была образована Башкирская автономная область, а следом в 1920 г. – Татарская Республика. Валидов эмигрировал за границу и в своих статьях писал, что создание двух республик разделило один народ с единым языком, общей (исламской) религией, с единой культурой, народ, который един по крови, истории и обычаям [Хисамов, Сагитов, Галимова, 2010]. Ряд западных исследователей (в их числе и татары) считают, что причиной создания отдельных Башкирской и Татарской автономных республик был страх большевиков перед татарским национализмом и тюркским единством: «Итиль-Уральское,

или Татаро-Башкирское, государство было разделено еще до своего существования, потому что его существование стало бы слишком реальной угрозой, и советское правительство, уже уставшее от национализма своих мусульманских меньшинств, не могло допустить такого. Татаро-Башкирская Республика со столицей в Казани продолжала бы усиливать роль этого города как культурно-политического центра мусульман России. Чтобы помешать тюркскому единству и появлению динамичной республики на Средней Волге, советское правительство предпочло способствовать формированию малых республик; тем самым оно также создавало изоляцию и даже разжигало былую зависть и вражду, таким образом облегчая себе контроль над народами данного региона» [Халим, 1991, 160-161].

Адыгские общественные объединения в 1990-е гг. и в настоящее время акцентируют мысль, что советская власть разделила единый адыгский этнос в три национальных образования. Но были ли в среде национальной интеллигенции и элиты начала XX в. идеи по созданию единой автономии для адыгов и были ли силы и возможности для такого объединения? Известный исследователь этнополитических и национальных проблем адыгов А. Боров в работе ««Черкесский вопрос» как историко-политический феномен» дает ответ: «Национально-демократическое движение, оформившееся на Северном Кавказе после Февральской революции и воплотившееся в Союзе объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, строило свою политическую программу на идее демократического федерализма для России и для Северного Кавказа. Артикуляция в ее рамках отдельных «этнонациональных» политических программ была бы разрушительна для основополагающих принципов движения. Черкесские деятели – участники движения – ни в период деятельности Союза (1917), а затем Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (1918-1920), ни впоследствии не приносили в его повестку дня «черкесский вопрос» в какой-либо форме» [Боров, 2013, 17-19]. Не прослеживался он и в этнополитических процессах в Кубанской и Терской областях с весны 1917 г. и до марта 1918 г. В период Гражданской войны «черкесский вопрос» также отдельно не ставился.

А. Боров отмечает, что «в 1921-1922 и 1926-1928 гг. местная советская элита сыграла довольно активную роль в создании Кабардинской (затем Кабардино-Балкарской), Адыгейской и Черкесской автономных областей, но нет свидетельств постановки ими вопроса об объединении черкесов в рамках единого политико-административного образования. Отсутствовало также какое-либо «несистемное» национальное движение в черкесской среде. Суждения о том, что советская власть целенаправленно и «искусственно» разделила «единый этнос» между тремя национально-государственными образованиями, не имеют убедительных подтверждений и основаны на экстраполяции в прошлое современных этноидеологических представлений. Территориально и административно черкесы были разделены еще в ходе Кавказской войны, и такая проблема (т. е. «черкесский вопрос») перед советской властью просто не возникала» [там же].

16 января 1922 г. была образована Кабардино-Балкарская автономная область. Постановление предусматривало установление территориальных границ Кабарды и Балкарии специальной комиссией, кроме того, устанавливался принцип паритетности во властных

структурах [Губогло, Думанов, Аккиева, 2001, 93]. С созданием автономной Кабардино-Балкарии было официально признано существование кабардинцев и балкарцев как отдельных народов, а прочие идентичности становились неактуальными [Тхамокова, 2014].

12 января 1922 г. было принято решение об образовании Карачаево-Черкесской автономной области (КЧАО), которое начало реализовываться лишь спустя два месяца ввиду осложнения ситуации с карачаево-кабардинским пограничным конфликтом. В нем на стороне Карачая выступили известные абазинские, ногайские и бесленеевские лидеры, что в результате привело к ускорению его разрешения. 4 марта 1922 г. был создан Карачаево-Черкесский областной ревком. В его состав вошли представители трех народов – карачаевец К.-А.А. Курджиев (председатель ревкома), русский Я.Ф. Балахонов и черкес Д.Н. Гутякулов (заместители председателя) [Аккиева, 2014, 69].

Развитие местных языков и системы образования на родных языках как инструмент советизации регионов Северного Кавказа

Национальная политика советской власти была тесно связана с идеологической. Этнический фактор и национальная идея использовалась в качестве инструмента укоренения и стабилизации советского общества [Боров, 2013, 122]. По мнению профессора Гарвардского университета Т. Мартина, Советский Союз был первой в мире империей «положительной деятельности» [Мартин, 2011]. Советская власть поощряла национальное самосознание (образование национальной государственности этносов – важная, но не единственная практика), развитие языков и повышение уровня образования, а также проводила коренизацию окраин бывшей Российской империи.

На Северном Кавказе развитию образования большевики уделяли большое внимание, справедливо считая его важным инструментом формирования новой, советской идентичности. Образование в северокавказском крае было осложнено рядом местных специфических особенностей. Наряду с общими, присущими всей стране причинами слабого развития народного просвещения – недостаток научно-педагогических кадров, отсутствие необходимой материальной базы, – в национальных районах Северного Кавказа оно встречало и дополнительные препятствия в своем развитии. В их числе: фактическое отсутствие письменности у многих народов, чрезвычайная пестрота этнографического состава населения, многообразие бытовых особенностей, влияние мусульманской (арабоязычной) культуры, социальная пассивность, сохранение межэтнической конфликтности на бытовом уровне. Следует отметить и тот факт, что к русской культуре и русскому языку со стороны части автохтонов края существовало определенное недоверие, русский разговорный язык фактически не получил широкого распространения в крае.

Важным документом, послужившим основой формирования системы образования, стал декрет ВЦИК от 16 октября 1918 г. «О единой трудовой школе РСФСР и постановление Наркомпроса РСФСР от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств». Это

позволило ввести единую систему бесплатного совместного обучения с двумя ступенями образования: 5 лет обучения в школе первой ступени, 4 года – в школе второй ступени. Все начальные и средние школы, ремесленные училища, низшие и средние технические, сельскохозяйственные, экономические школы и училища преобразовывались в единую школу. Провозглашались право всех граждан на образование независимо от расовой, национальной принадлежности и социального положения, равенство в образовании женщин и мужчин, обучение на основе соединения с производительным трудом. Проект единой трудовой школы ликвидировал элитарные и тупиковые учебные заведения, обеспечивал преемственность между основными звеньями системы народного образования.

Политика советской власти в образовательной сфере была призвана решать идеологические и политические задачи новой власти. Объяснение целей новой власти в многонациональном северокавказском регионе было легче донести на языке, понятном для представителей разных народов, – т. е. на родном языке [Аккиева, 2014, 266].

Декретом СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (1918 г.) церковь отделялась от государства и школа от церкви, провозглашалась, безусловно, светская школа. Перед народами Северного Кавказа в связи с этим стала проблема создания письменности, поскольку у многих из них обучение велось в основном в религиозных школах и на арабском языке. Задачам советской школы, которая предполагала обучение на родном языке, не отвечала имевшая место на Кавказе арабица. Для власти, форсирующей в 1920-е гг. развитие советской культуры, радикальную культурную реформу общественной жизни, также был важен разрыв с традиционной культурой [Красовицкая, 2010, 274], тесно связанной с исламом и арабским письмом. Большинство народов Северного Кавказа ко времени установления советской власти не имели своей письменности, а письменность аварцев, кумыков, лезгин, лакцев, даргинцев была на арабской основе. Их письменность представляла собой механическое приспособление арабского алфавита к фонетическим особенностям языков каждого народа. Письмо это было несовершенно и изобиловало обилием надстрочных и подстрочных знаков, создающих дополнительные трудности в усвоении грамоты.

Другой вопрос состоял в том, что значительное большинство грамотных людей на Северном Кавказе также было в основном представителями исламского духовенства. В связи с этим политика новой власти в ее отношении характеризовалась большой осмотрительностью и осторожностью. Новая власть пыталась использовать в своих задачах по переустройству общества национальную интеллигенцию (в том числе и духовенство), и потому, реализуя утвержденные на VIII и X съездах РКП(б) установки, Пленум Юго-Восточного краевого комитета РКП(б) в своем постановлении отмечал, что текущий момент выдвигает перед местными организациями серьезный вопрос о наилучшем использовании в общественной работе представителей местной интеллигенции. Местным советским и партийным органам рекомендовалось окружить национальную интеллигенцию «атмосферой товарищеского доверия и раз и навсегда устранить нередко встречавшийся ранее в отношении

местной интеллигенции тон пренебрежения и недоброжелательства»³. Многие представители из числа местных интеллектуалов стали на путь сотрудничества с новой властью, а некоторые из них стали активными проводниками политики власти.

Среди представителей горских интеллектуалов были те, кто в 1920-х гг. пытались решить проблему создания письменности на родных языках, при этом каждый решал эту задачу соответственно своему видению. Одни создавали алфавит на арабской графической основе, другие на латинице, а третьи обращались к кириллице. В 1920 г. появился кабардинский алфавит на арабской графической основе. Для балкарского языка арабская графика в связи со структурными особенностями тюркских языков не была лучшим выходом, а потому были созданы три алфавита, два из них на кириллице. Алфавит на основе латиницы создал видный северокавказский советский работник Магомед Энеев, который в свой букварь включил впервые напечатанный на балкарском языке текст «Интернационала». В национальных школах Адыгеи обучение велось по составленному до революции и изданному в марте 1918 г. «Черкесскому букварю» С. Сиюхова и И. Хидзетля (переиздан в 1921 и 1924 гг.) на арабской графической основе.

Создание письменности на языках народов Северного Кавказа было невозможно без государственной поддержки. Вопрос о том, какую графическую систему признать наиболее целесообразной для создания письменности, оставался актуальным на протяжении 20-х гг XX в. В преддверии мировой революции, которая для советских идеологов виделась скорым явлением, предполагалась полная замена арабской графической основы письма народов страны, исповедующих ислам, на латиницу. Смена арабской графической основы должна была ослабить влияние религиозной идеологии, переориентировать мусульманские народы на новые духовные ценности.

25 сентября 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) на основе доклада И. Сталина «О латинском шрифте в мусульманской письменности» признало желательным поддержать решения Азербайджанского ЦИК по введению латинского шрифта в мусульманской письменности. Еще в середине 1922 г. Наркомат по делам национальностей РСФСР разработал проект образования Комиссии по реформе арабского алфавита. Компетенция Комиссии распространялась и на не тюркские языки, приспособлявшие к своим нуждам арабское письмо. 25 января 1923 г. коллегия Наркомнаца по докладу замнаркома Г.И. Бройдо утвердила ее состав. В состав комиссии среди других вошли У. Алиев (Северный Кавказ) и Г. Джабаев (Закавказье). В указанном составе комиссия работала в феврале-марте 1923 г. Ее работа свелась к сбору информации о практике применения арабского алфавита в регионах и о признании общественно-политического значения латинского алфавита в целом. Высказывались разные мнения относительно использования латиницы, сроков латинизации и многое другое. Звучало мнение о необходимости развернуть не только работы по составлению латинского шрифта, но и «пробную кампанию в пользу его нормального введения». Были и открытые суждения о нежелательности проводить латинизацию путем декретирования. Но

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

доминирующей стала точка зрения, высказанная представителем Северного Кавказа Умаром Алиевым, о том, что «свет латинского алфавита с Востока служит лучшим способом приобщения так называемых диких народов к общечеловеческой культуре»⁴.

В мае 1923 г. по инициативе С.М. Кирова в Пятигорске была созвана конференция представителей мусульманских народов Северного Кавказа по вопросам алфавита для горских языков. На совещании было признано право выбора для каждого народа той или иной графики и было подчеркнуто, что воздействие сверху в данный вопрос является недопустимым. Вместе с тем на конференции признали, что в силу экономических, политических и социально-культурных факторов предпочтительным является принятие общей основы графики всеми горскими народами Северного Кавказа. Из трех графических основ: арабской, кириллической (русской) и латинской совещание высказалось в пользу латинской графики. Вместе с тем, учитывая высокую религиозность населения и популярность у него арабской графической основы, была признана допустимость обучения на арабской графической основе параллельно латинской.

В 1925 г. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) созвало в Ростове вторую конференцию по вопросу просвещения горцев Северного Кавказа, на котором было принято решение усилить пропаганду за введение в горских обществах латинского алфавита. В 1921 г. У. Алиев подготовил алфавит на латинской графической основе для карачаевского языка. В 1924 г. были введены в действие кабардинский и балкарский алфавит на латинской основе. Авторами кабардинского алфавита являлись Т.А. Шеротлоков, Б. Хуранов, А.И. Пшунетов [Жирков, 1925, 233].

В апреле 1924 г. власти Дагестана приняли решение об организации Дагестанского комитета нового алфавита для подготовки перехода на латиницу. В 1925 г. V Вседагестанский съезд Советов по инициативе Н. Самурского принял постановление о трехязыковом принципе национальной школы в республике: родной и тюркский языки как предметы преподавания и русский язык как предмет. На протяжении 1920-х гг. не утихала полемика о языке межнационального общения. Основная борьба шла между представителями тюркской языковой группы (кумыки) и иберийско-кавказской (аварцы, лакцы, даргинцы и др.).

В Дагестане, Чечне и Адыгее из-за сопротивления мусульманского духовенства алфавит на основе латиницы появился гораздо позже. Чеченский алфавит на латинице был создан в 1925 г. Х. Ошаевым, обучение в школах по нему началось в 1926-1927 гг. В феврале 1928 г. на пленуме Дагестанского обкома ВКП(б) обсуждался доклад «О языке и алфавите для школ Дагестана». По итогам данного обсуждения пленумом было вынесено решение перевести школы с арабской письменности на новый алфавит, созданный на латинской основе. Новый алфавит был разработан для аварского, даргинского, лезгинского, кумыкского, лакского, азербайджанского и татского языков. Наряду с переводом письменности дагестанских народов на латинскую графическую основу в республике в анализируемый период была развернута работа по созданию

4 ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1548. Л. 10. Цит. по: Красовицкая Т.Ю. Латинизация графики языков Северного Кавказа в контексте модернизации // Проблемы российской истории. Вып. X. М.-Магнитогорск, 2010. С. 291.

письменности для отдельных бесписьменных народов – лезгинского и табасаранского. В условиях многонационального и многоязычного Дагестана еще более острым, чем перевод письменности с арабской графической основы на латинскую, явился вопрос определения языка межнационального общения. С установлением советской власти партийные, советские органы Дагестана развернули большую работу по решению вопроса языка обучения подрастающего поколения, официального государственного. На IV Вседагестанском съезде Советов в 1925 г. было принято постановление, по которому национальная школа строилась на трехязыковом принципе: родной, тюркский и русский языки как предметы преподавания. Тюркский (кумыкский) язык в Дагестане имел лобби в лице части руководства республики, и плоскостная часть населения Дагестана была заселена тюрками, которые были более развиты в экономическом отношении, чем горцы. Тюркский язык потому рассматривался как язык межэтнических (межплеменных) отношений.

В 1920-е гг. повсеместно в северокавказском регионе идет открытие новых светских школ. Открытие школ и перевод письменности на латинскую графику способствовали повышению уровня грамотности среди народов Северного Кавказа. Так, например, если в 1920 г. грамотность среди кабардинцев составляла всего 2,1%, а среди балкарцев – 0,9%, то в конце 1925 г. она возросла до 11,2% у кабардинцев и до 7,5% у балкарцев.

В 1920-е гг. шла интенсивная подготовка учительских кадров. Учителей, способных наладить работу в новых школах, не хватало, особенно сложная ситуация складывалась с сельской местности, где жила основная масса народов Северного Кавказа. Новая власть большое внимание уделяла управлению школьным делом, подготовке учительских кадров, развитию методической базы. Но из-за проблем с финансированием заработная плата учителей оставалась низкой, ощущалась острая нехватка учительских кадров. В 1924 г. был сформирован специальный фонд народного просвещения.

Для решения этой острейшей проблемы в различных регионах Северного Кавказа были открыты курсы по ускоренной подготовке учителей. На этих курсах в течение 1,5-2 месяцев шло обучение будущих учителей на родном языке методике преподавания, знакомство с азбукой на латинской или арабской графике. Сеть краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке учителей на Северном Кавказе получила широкий размах, продолжительность обучения на курсах увеличилась с 2 до 5 месяцев. В 1923 г. в Нальчике, а в 1926 г. в Баталпашинске были открыты педагогические техникумы (они появились также в Буйнакске, Дербенте, Владикавказе, в Грозном и Майкопе). Открытие педтехникумов позволило снять острую нехватку учителей в регионе. Подготовка квалифицированных кадров из числа представителей местных народов проводилась в Москве, Ростове-на-Дону, Тбилиси, Ленинграде и других городах. В 1924-1925 учебном году в различных городах страны обучалось 200 кабардинцев и балкарцев, а в 1925-1926 гг. – 685 человек [Чеченов, 1971, 27].

В результате работы по созданию письменности на основе латиницы, увеличения количества школ, повышения квалификации учителей произошел заметный рост образовательного уровня народов Северного Кавказа. В 1928-1929 гг. грамотных на своем родном языке стало: у адыгейцев 50%, у черкесов – 45%, у кабардинцев и балкарцев – 50%, у ингушей – 34,2%, у осетин – 35,8% [Магидов, 1971, 67].

Одной из сложнейших проблем развития общеобразовательной школы на Северном Кавказе являлось вовлечение в учебу девочек-горянок. Для приобщения женщин к светскому образованию открывались женские клубы, пункты ликвидации неграмотности, различные курсы. Несмотря на все принимаемые меры, в школах Карачаевской АО девочек в школах было в 3 раза меньше, чем мальчиков. К концу 1920-х гг. ситуация меняется, так, в Кабардино-Балкарии девочки составляли 50,2% среди учащихся начальных классов [Магомедова, 2001, 67].

В ликвидации неграмотности определенную роль сыграли такие характерные для эпохи 1920-1930-х гг. кампании, как «культурные штурмы», «культсанштурм», пункты ликвидации неграмотности и др.

В первые годы советской власти на Северном Кавказе и особенно в Дагестане сохранялись религиозные традиции и влияние мусульманского духовенства на общественное сознание, сеть мусульманских религиозных школ оставалась значительной. Указ о запрете преподавания мусульманского вероучения привел к тому, что процесс закрытия мусульманских школ ускорился. В 1930-е гг. многие из них функционировали нелегально. Усилилось преследование духовенства по обвинениям, часто надуманным, в сопротивлении политике советской власти, подрывной деятельности. В Кабардино-Балкарии запрет обучения в мусульманских учебных заведениях поднял волну протеста в Баксане, возглавил борьбу Асхад Шогенцуков, известный мусульманский богослов. Открытые выступления верующих против мер государства не привели к обратному, к 1930 г. в Кабардино-Балкарии и в других республиках практически все мусульманские школы были закрыты. Были закрыты и мечети, против мулл и эфенди начались репрессии.

В 1930-е гг. на Северном Кавказе, как и во всей стране, осуществляется перевод на всеобщее начальное образование, которое на XVI съезде КПСС было объявлено «боевой задачей» партии в ближайший период. В 1930-е гг. был урегулирован вопрос о языке обучения. В национальной школе дети на начальном этапе обучались на родном языке, а русский шел как предмет со второго по четвертый класс. С пятого класса обучение переводилось на русский язык, а родной преподавался как предмет. В 1938-1937 гг. был осуществлен сравнительно легкий и быстрый перевод письменности народов Северного Кавказа на русскую графическую основу. Переход на единую кириллическую базу имел как экономическую, так и идейно-психологическую причины. В марте 1938 г. было принято постановление СНК ССР и ЦК ВКП(б) об изучении русского языка в нерусских школах страны, которое устанавливало единые требования к объему знаний и навыков по

русскому языку. На практике в национальных автономиях Северного Кавказа изучение русского языка начиналось со второго года обучения, с прохождения предварительного курса, цель которого – накопление необходимого запаса слов. Обучение по-прежнему шло на национальных языках [Денисова, Уланов, 2003, 97]. Такая система действовала до конца 1950-х гг.

Заключение

Ключевым аспектом этнотерриториальной и образовательной политики в первые десятилетия советской власти была политика этнотерриториальной коренизации советских органов власти и развитие местных языков и системы образования на родных языках как наиболее доступного на тот момент инструмента советизации национальных регионов. То есть в целом политика Центра на Северном Кавказе в 1920-1930-е гг. была подчинена практическим и идеологическим целям советской власти. Одновременно она была направлена на создание на Северном Кавказе культурной инфраструктуры, «национальной по форме и социалистической по содержанию», в том числе в сфере образования.

Библиография

1. Аккиева С.И. Формирование новой системы образования на Северном Кавказе в 1920-1930-е гг. // Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е гг.: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10-12 октября 2013 г. М., 2014. С. 265-272.
2. Аккиева С.И. Этническая история в Новейшее время // Каракетов М.Д., Сабанчиев Х.-М.А. (ред.) Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 60-92.
3. Ансоков М.Т. Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии (1917-1936 гг.). Нальчик, 1974. 209 с.
4. Боров А. «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. Нальчик, 2013. 60 с.
5. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-фа, 1999. 174 с.
6. Бугай Н.Ф. Горская АССР: правомерность создания, особенности, причины и ход ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации. Северный Кавказ (1917-1941). Майкоп, 1995.
7. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент»: 20-е гг. Майкоп, 1994. 424 с.
8. Губогло М.Н., Думанов Х.М., Аккиева С.И. Панорама этнополитической жизни Кабардино-Балкарии // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии. М.-Нальчик, 2001. Т. 1. С. 70-112.

9. Даудов А.Х. Горская АССР. 1921-1924 гг. Очерки социально-экономической истории. СПб., 1997. 231 с.
10. Декрет II Всероссийского съезда Советов о мире // Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 12-16.
11. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социального статуса. Ростов-на-Дону, 2003. 352 с.
12. Жирков Л. К реформе алфавитов восточных народностей (опыт графического анализа алфавита) // Новый Восток. 1925. № 10-11. С. 223-241.
13. Кажаров А.Г. Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа (1918 – первая половина 1920-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2001.
14. Красовицкая Т.Ю. Латинизация графики языков Северного Кавказа в контексте модернизации // Проблемы российской истории. Вып. X. М.-Магнитогорск, 2010. 18 с.
15. Магидов Ш.Г. Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции. Махачкала: Дагучпедгиз, 1971. 128 с.
16. Магомедова А.З. Развитие системы образования на Северном Кавказе // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробации результатов научных исследований. Новосибирск, 2001. № 1.
17. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: РОССПЭН, 2011. 664 с.
18. Сампиев И.М. Этнополитические проблемы России в контексте равноправия народов. Назрань, 2009. 193 с.
19. Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 11. М.: Наследие ММК, 2005. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/analit02.php>
20. Тхамокова И.З. Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в.: динамика этнокультурных границ. Нальчик, 2014. 151 с.
21. Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917-1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 353 с.
22. Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. 288 с.
23. Халим А. Книга печали, или Записки аборигена. Вильнюс, 1991. 208 с.
24. Хисамов Г.А., Сагитов Т.Н., Галимова Г.Г. (сост.) Ахмет-Заки Валиди. Уфа, 2010. 200 с.
25. Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М., 2007. 128 с.
26. Чеченов Ш.Ш. Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР (1920-1970). Нальчик: Эльбрус, 1971. 335 с.

The Soviet people at the North Caucasus: the ethnic, territorial and educational policy of the Soviet Union

Svetlana S. Akkueva

Doctor of History,
Leading Researcher at the Ethnology Department of
the Kabardino-Balkar Humanitarian Studies Institute,
360051, 18 Pushkina str., Nalchik,
the Kabardino-Balkar Republic, Russian Federation;
e-mail: kbigi@mail.ru

Israpil M. Sampiev

Doctor of Political science, Professor,
the Director of the Social Research Institute at the Ingushetia State University,
386132, 39 Magistral'naya str., Gamurzievo district,
Nazran, the Republic of Ingushetia, Russian Federation;
e-mail: ing_gu@mail.ru

Abstract

This article considers the Soviet Union's ethnic policy at the North Caucasus aimed to create the Soviet national identity in the region. The right of nations to self-determination was an integral part of Soviet ideology, as well as the equality of all ethnic groups in the Soviet Union; however, the real policy of the Soviet Government was aimed to establish the separate administrative divisions such as republics, autonomous oblasts and autonomous okrugs for each ethnic group. The educational policy of the USSR did also deal with the ethnic issues, the needs of national minorities were taken into consideration. This article shows how the Soviet educational policy at the North Caucasus has relatively quickly replaced the previously prevailing religious education with the Soviet model-based secular education. The article shows that the educational policy related to ethnic minorities was aimed to create the Soviet national identity, having succeeded in this.

For citation

Akkueva S.I., Sampiev I.M. (2016) Enoterritorial'naya i obrazovatel'naya politika v konstruirovanii sovetsskoi identichnosti na Severnom Kavkaze [The Soviet people at the North Caucasus: the ethnic, territorial and educational policy of the Soviet Union]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 1-2, pp. 9-26.

Keywords

Ethnic issues, ethnic policy, nationhood, the right of nations to self-determination, educational policy, writing, secular education, Soviet national identity.

References

1. Akkieva S.I. (2014) Formirovanie novoi sistemy obrazovaniya na Severnom Kavkaze v 1920-1930-e gg. [The establishment of new education system at the North Caucasus since 1920 till 1940]. In: *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920-1950-e gg.* [The ethnic groups and ethnic policy in the USSR in 1920-1970]. Moscow, pp. 265-272.
2. Akkieva S.I. (2014) Etnicheskaya istoriya v Noveishee vremya [The contemporary history of ethnic groups]. In: Karaketov M.D., Sabanchiev Kh.-M.A. (ed.) *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachays and Balkars]. Moscow: Nauka Publ., pp. 60-92.
3. Ansokov M.T. (1974) *Obrazovanie i razvitie natsional'noi sovetskoi gosudarstvennosti narodov Kabardy i Balkarii* (1917-1936 gg.). [The establishment and development of Soviet-modelled nationhood for the indigenous peoples of Kabardia and Balkaria in 1917-1936]. Nalchik.
4. Borov A. (2013) "*Cherkesskii vopros*" kak istoriko-politicheskii fenomen [The "Cherkess question" as a historical and political issue]. Nalchik.
5. Borov A.Kh., Dumanov Kh.M., Kazharov V.Kh. (1999) *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy* [The modern nationhood of the Kabardino-Balkar Republic: its background, history, the current problems]. Nalchik: El'-fa Publ.
6. Bugai N.F. (1995) Gorskaya ASSR: pravomernost' sozdaniya, osobennosti, prichiny i khod likvidatsii [The Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic: its establishment, the reasons for and history of its annexation]. In: *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Rossiiskoi Federatsii. Severnyi Kavkaz (1917-1941)* [The nation-building in the Russian Federation: the North Caucasus (1917-1941)]. Maykop.
7. Bugai N.F., Mekulov D.Kh. (1994) *Narody i vlast': "sotsialisticheskii eksperiment": 20-e gg.* [The state and ethnic groups: the "socialist experiment" of 1920-s]. Maykop.
8. Chechenov Sh.Sh. (1971) *Osushchestvlenie leninskoi programmy narodnogo obrazovaniya v Kabardino-Balkarskoi ASSR (1920-1970)* [The implementation of V.I. Lenin's education plan at the Kabardino-Balkar Autonomous Soviet Socialist Republic in 1920-1970]. Nalchik: El-brus Publ.
9. Daudov A.Kh. (1997) *Gorskaya ASSR. 1921-1924 gg. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii* [The Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic 1921-1924: its social and economic history]. Saint Petersburg.
10. Dekret II Vserossiiskogo s"ezda Sovetov o mire [The Decree on Peace] (1957). In: *Dekrety Sovetskoi vlasti* [The Soviet decrees], vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., pp. 12-16.

11. Denisova G.S., Ulanov V.P. (2003) *Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformatsii sotsial'nogo statusa* [Russians at the North Caucasus: the social status changes]. Rostov-on-Don.
12. Guboglo M.N., Dumanov Kh.M., Akkueva S.I. (2001) Panorama etnopoliticheskoi zhizni Kabardino-Balkarii [The ethnopolitics of the Kabardino-Balkar Republic: the overview]. In: *Politika i pravo v sfere etnogosudarstvennykh otnoshenii Kabardino-Balkarii* [The relations between the state and ethnic groups in the Kabardino-Balkar Republic: the law and politics], vol. 1. Moscow, Nalchik, pp. 70-112.
13. Kazharov A.G. (2001) *Kabarda i Balkariya v protsesse administrativno-territorial'nogo pereustroistva Severnogo Kavkaza (1918 – pervaya polovina 1920-kh gg.)*. Doct. Diss. abstract [The administrative and territorial reforms in the regions of Kabardia and Balkaria, the North Caucasus, since 1918 till 1925. Doct. Diss. abstract]. Nalchik.
14. Khabrieva T.Ya. (2010) *Sovremennye problemy samoopredeleniya etnosov. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Ethnic self-determination in modern world: the comparative and legal aspects]. Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
15. Khalim A. (1991) *Kniga pechali, ili Zapiski aborigena* [The Book of Sadness or The Memoirs of a Native]. Vilnius.
16. Khisamov G.A., Sagitov T.N., Galimova G.G. (eds) (2010) *Akhmet-Zaki Validi*. Ufa.
17. Krasovitskaya T.Yu. (2010) Latinizatsiya grafiki yazykov Severnogo Kavkaza v kontekste modernizatsii [The romanization of the North Caucasus languages in the context of modernization]. In: *Problemy rossiiskoi istorii* [The Russian history], 10. Moscow, Magnitogorsk.
18. Magidov Sh.G. (1971) *Problemy yazyka obucheniya i pis'mennosti narodov Dagestana v kul'turnoi revolyutsii* [The languages of education and writing in native languages in Dagestan during the Soviet cultural revolution]. Makhachkala: Daguchpedgiz Publ.
19. Magomedova A.Z. (2001) Razvitie sistemy obrazovaniya na Severnom Kavkaze [The educational system development at the North Caucasus]. In: *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsii rezul'tatov nauchnykh issledovaniy* [The cutting edge of science and practice: hypotheses and research], 1. Novosibirsk.
20. Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939* (Russ. ed.: Martin T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noi deyatelnosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939*. Moscow: ROSSPEN Publ.).
21. Sampiev I.M. (2009) *Etnopoliticheskie problemy Rossii v kontekste ravnopraviya narodov* [Russian ethnic policy in the context of ethnicities equality]. Nazran.
22. Sokolovskii S.V. (2005) Instituty i praktiki proizvodstva i vosproizvodstva etnichnosti [Ethnicity maintenance: the institutions and practices]. In: *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii* [Ethnomethodology: questions, approaches, conceptions], 11. Moscow: Nasledie MMK Publ. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/analit02.php> [Accessed 15/01/2016].

23. Tkhamokova I.Z. (2014) *Russkoe naselenie Kabardino-Balkarii v XIX – nachale XXI v.: dinamika etnokul'turnykh granits* [Russian inhabitants in the Kabardino-Balkar Republic since XIX till XXI: the ethnic borders evolution]. Nalchik.
24. Uligov U.A. (1979) *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voina v Kabarde i Balkarii i sozdanie natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917-1937 gg.)* [The Great October Socialist Revolution and Russian Civil War in Kabardia and Balkaria; the establishment of national self-government for Kabardians and Balkars, 1917-1937]. Nalchik: Elbrus Publ.
25. Tsutsiev A. (2007) *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774-2004)* [Atlas of the Ethno-political History of the Caucasus (1774-2004)]. Moscow.
26. Zhirkov L. (1925) K reforme alfavitov vostochnykh narodnostei (opyt graficheskogo analiza alfavita) [The ways to reform the alphabets of some oriental languages: the analysis of graphemes]. *Novyi Vostok* [The New East], 10-11, pp. 223-241.